

В.Г. Васильевский

**Еще раз о мнимом славянстве
Гуннов**

Ответ Д.И.Иловайскому

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Г. Васильевский**
Еще раз о мнимом славянстве Гуннов: Ответ Д.И.Иловайскому / В.Г. Васильевский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-3659-7

ISBN 978-5-4241-3659-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

наиболѣе рыцарскимъ и справедливымъ. Читатели, конечно, не посѣтуютъ на насъ за довольно длинныя извлеченія изъ статьи Д. И. Иловайскаго, потому что во всякомъ случаѣ за ними останется достоинство живаго литературнаго изложенія и любопытной полемической изворотливости.

Въ своей статьѣ, говоря о наружности Гунновъ, мы писали: „Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ: очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ“.

Вотъ что на это замѣчаетъ Д. И. Иловайскій (Русская Старина, стр. 590):

„Тутъ ссылка на какихъ-то старинныхъ авторовъ не вѣрна; Аммианъ Марцеллинъ и Иорнадъ не говорятъ о природной безбородости Гунновъ или скудной растительности волосъ на ихъ лицѣ; а ясно и положительно говорятъ объ ихъ обычаяхъ уничтожать эту растительность посредствомъ глубокихъ надрѣзовъ на лицѣ младенцевъ. Мы видимъ отсюда или стараніе предупредить растительность бороды, или просто обычай брить бороду, и въ этомъ случаѣ опираемся еще на Иорнандова современника Прокопія, который прямо и безъ всякой риторики разсказываетъ о гуннской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ,—точь въ точь какъ это дѣлали знатные Руссы въ древности. Очевидно, мой противникъ совсѣмъ пропустилъ безъ вниманія это важное свидѣтельство Прокопія, хотя оно приведено въ моей книгѣ (на стр. 513). Свидѣтельство Иорнанда о томъ, что у Гунновъ лицо „ужасающей черноты“, мы объясняемъ, если не крайнимъ его преувеличеніемъ, то искусственнымъ черненіемъ лица для приданія себѣ страшнаго вида“, и т. д.

На это я отвѣчаю: Говоря о томъ, что старинные авторы представляютъ Гунновъ либо совсѣмъ безбородыми, либо имѣющими только рѣдкую бороду, я имѣлъ въ виду ни болѣе, ни менѣе какъ знаменитое и классическое описаніе наружности Аттилы у Иордана. Заявленіе Д. И. Иловайскаго о моей неточности повергаетъ меня въ крайнее недоумѣніе, и я очень желалъ бы, чтобы онъ взялъ на себя трудъ разъяснить, заглянувъ въ 35-ю главу Иордана, говорится тамъ или нѣтъ, что у Аттилы была рѣдкая борода (*rarus barba*), говорится тамъ или нѣтъ, что наружность Аттилы представляла черты, общія всему его племени. Если у кого, инте-

ресующагося дѣломъ, иѣтъ подъ рукою Іордана, то онъ можетъ обратиться къ книгѣ, называемой „Разысканія о началѣ Руси“. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Изданіе второе. — На стр. 515 мы тамъ находимъ слѣдующій переводъ Іорданова описанія: „Малый ростъ, широкая грудь, большая голова, маленькіе глаза, рѣдкая борода, волосы съ просѣдью, курносый, смуглый—онъ являлъ черты своего племени“. Д. И. Иловайскій нѣсколько разъ упрекалъ меня въ томъ, что я невнимательно читалъ его книгу. Иной разъ мнѣ кажется, что я посвятилъ ей уже слишкомъ много вниманія и читалъ ее усерднѣе, чѣмъ самъ авторъ. Если я не нашелъ нужнымъ заняться свидѣтельствомъ Прокопія о гунской прическѣ, то опять-таки это произошло вовсе не отъ того, чтобъ я не замѣтилъ ссылки у Д. И. Иловайскаго на данное мѣсто у Іорданова современника. Совершенно напротивъ. Я могу указать, что авторъ „Разысканій“ опирается на Прокопія не только на стр. 513, но еще на 198 и 396. Но только это опора очень плохая. Намъ хорошо извѣстно, чего стоятъ ссылки Д. И. Иловайскаго на древнихъ авторовъ, и мы не советуемъ никому, ни даже самому Д. И. Иловайскому, полагаться на нихъ. Здѣсь мы имѣемъ—употребляя выраженіе автора „Разысканій“—одинъ изъ многихъ примѣровъ отношенія его къ источникамъ, и ради особенной его поучительности, а также изъ уваженія къ настойчивости Д. И. Иловайскаго, мы теперь рѣшаемся остановиться на немъ и сдѣлать то, что прежде могли обойти, какъ нѣчто слишкомъ непріятное, скучное и утомительное. Прокопій вовсе не говоритъ того, что ему приписываетъ авторъ „Разысканій“, а говоритъ именно совершенно противоположное. Приводимъ самые документы:

На стр. 192 „Разысканій“ читается слѣдующее: „Прокопій, говоря о партіяхъ цирка, описываетъ ихъ модный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ и Гунновъ, а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означали именно Волгарь. Главныя черты этой моды составляли: оголенные щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды гуннской обуви. *Histor. arcana c. VII*“.

На стр. 396: „А Прокопій еще въ VI вѣкѣ говоритъ, что Гунны-Волгаре имѣли оголенные щеки и подбородокъ, а также подстриженную кругомъ голову съ пучкомъ волосъ на верху“.

На стр. 513 въ примѣчанія: „Современникъ Іорнава Прокопій

прямо говорить о гуннской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ". Наконецъ, въ четвертый разъ Д. И. Иловайскій ссылается на Проконія въ вышеприведенномъ отрывкѣ своей полемиической статьи.

Слѣдуетъ теперь самый подлинный текстъ Проконія (Procop. ex recensione Dindorf, III, 47, 48). Καὶ πρῶτα μὲν τοῖς στασιώταις τὰ ἐς τὴν κόμην ἐς νεώτερόν τινα μεταβέβλητο τρόπον. ἀπεκείροντο γὰρ αὐτὴν οὐδὲν ὁμοίως τοῖς ἄλλοις Ῥωμαίοις. τοῦ μὲν γὰρ μύστακος καὶ τοῦ γενείου οὐδαμῇ ἤπτοντο, ἀλλ' αὐτοῖς κατακομᾶν ἐπὶ πλεῖστον ὥσπερ οἱ Πέρσαι ἐς ἀεὶ ἤθελον· τῶν δὲ ἐν τῇ κεφαλῇ τριχῶν τὰ ἐμπροσθεν ἄχρι ἐς τοὺς χροτάφους ἀποτεμνόμενοι τὰ ὀπισθεν ἀποχρέμασθαι σφίοιν ἐπὶ μακρότατον λόγφ οὐδενὶ εἴων, ὥσπερ οἱ Μασσαγέται, διὸ δὴ καὶ Οὐννικὸν τὸ τοιοῦτον εἶδος ἐκάλουν.

По русски это значить:

"Тогда именно среди приверженцевъ этой партіи свособъ ношенія волосъ измѣнился по новому. Они стали стричь ихъ совсѣмъ не такъ, какъ другіе Римляне. Именно они совсѣмъ не касались верхней губы и подбородка (усовъ и бороды), но предоставляли волосамъ расти на нихъ съ полною свободою, какъ это въ обычаѣ у Персовъ. Вмѣсто того они обрѣзывали волоса на головѣ спереди до висковъ, а сзади опять оставляли висѣть ихъ длиннѣйшими косами безъ всякой надобности, какъ это дѣлаютъ Массагеты. Эта мода называется по-этому гуннскою".

Ни въ вѣрности чтенія въ подлинникѣ, ни въ вѣрности нашего перевода сомнѣнія быть не можетъ. Приведенное мѣсто Проконія можно также найти у лексикографа Свиды подъ словомъ ἀπόνοια; Д. И. Иловайскому мы совѣтуемъ прочитатъ тамъ старый латинскій переводъ отрывка, несравненно болѣе вразумительный и ясный, чѣмъ плохой переводъ Вонискаго изданія, запутанный и тяжелый. Для облегченія его и другихъ мы, впрочемъ, выписываемъ здѣсь первый:

Ἀπόνοια. Homines injuriis lacessiti ad desperatam audaciam redigi solent, quod et Venetis sub Iustiniano accidit. Et primum quidem factiosi novam quandam capillorum ornandorum rationem excogitarunt, et genere tonsurae ab alijs prorsus diverso uti coeperunt. Nam mystacen et barbam intonsam sinebant, eamque, more Persarum, prolixissimam alebant. Capillos vero anteriores usque ad tempora detondentes, posteriores quam longissimos more Massagetorum, temere sibi dependere sinebant. Quare hanc habitum Hunnicum appellavere.

Кажется, вполне ясно, что Проконій совсѣмъ не приписываетъ

Гуннамъ (Волгарамъ) обычая брить бороду и усы, а скорѣе заставлялъ думать, что они имѣли растительность и на верхней губѣ, и на подбородкѣ. Сама по себѣ ошибка Д. И. Иловайскаго принадлежитъ къ простительнымъ. Она произошла отъ того, что авторъ „Разысканій“, или тотъ, у кого онъ заимствовалъ свою ссылку на Прокція, вмѣсто греческаго текста обратился къ латинскому переводу Н. Алеманна. Тамъ читается слѣдующее: „nam mento et alis intonsis, quae Persarum more prolixè lubebat promittere, sinciput capillitio ad tempora usque nudarunt“ и т. д. Въ лексиконахъ на бѣду, кромѣ употребительнаго причастія *intonsus* съ отрицательнымъ значеніемъ, помѣщается также и рѣдко встрѣчающійся глаголъ *intondeo* съ положительнымъ значеніемъ. Но слѣдуетъ быть внимательнѣе и осторожнѣе, а также нѣсколько прислушиваться къ голосу собственнаго сознанія, который, конечно, каждому ученому указываетъ его слабыя стороны; особенно такъ поступать слѣдуетъ, выступая съ обвиненіями противъ другихъ—притомъ предъ публикою, лишенною всякой возможности различать ложь отъ истины и обязанной на слово вѣрить рѣчамъ обвинителя. Да и для собственной пользы Д. И. Иловайскому не мѣшало бы время отъ времени провѣрять свою книгу по ссылкамъ, которыя въ ней дѣлаются на источники, и прочитывать подлинныя тексты.

Привожу цѣликомъ другую обличительную тираду, направленную противъ меня Д. И. Иловайскимъ:

„Извѣстны три слова, приводимыя источниками по поводу Гунновъ: камось, медъ и страва. Въ камосѣ нѣкоторые видѣли квась. Я слегка упоминаю объ этомъ словѣ, отнюдь не настаивая, чтобы это былъ непременно квась, а настаивая только, что это не былъ кумысъ. Мой противникъ пространно доказываетъ, что камъ не былъ ни квась, ни кумысъ. Въ своихъ положеніяхъ, сгруппированныхъ для диспута, я поставилъ медъ и страву, а камось пропустилъ. Ясно, кажется, что этому слову я не придаю никакого значенія въ системѣ своихъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, по поводу этихъ положеній мой противникъ опять ставитъ мнѣ на видъ камось (171). За то о медѣ онъ отзывается очень кратко, въ родѣ того, что „его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ“, и что вѣстѣ съ камомъ медъ „не имѣетъ никакого отношенія къ Гуннамъ“. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ отношенія В. Г. Васильевскаго къ источникамъ. Историческій свидѣтель говоритъ о существованіи у Гунновъ напѣтка, называвшагося медъ; а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это

вадоръ, потому что еще прежде Гунновъ въ Панноніи жили Кельты; а въ кельтскомъ словарѣ Кормака встрѣчается-молъ слово *mid* и *med*. (150—151). Не мѣшаетъ прибавить къ этому, что медъ, какъ напитокъ, былъ въ употребленіи еще у Скиновъ (см. Укерта, *Skyt.* 299); слѣдовательно, отнимать его у Гунновъ нельзя никакимъ образомъ. Но всѣ эти quasi-научные приемы моего противника сущіе пустяки сравнительно съ тѣмъ, что онъ говоритъ о стравѣ. Иорнандъ прямо и положительно сообщаетъ, что Гунны называютъ свое погребальное пиршество страва. Простому, здравому смыслу показалось бы, что тутъ никакіе споры не возможны. Но они оказываются возможными для такихъ ученыхъ толкователей, какъ мой противникъ. Для этого онъ только приводитъ мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Пластида, мѣсто, подтверждающее Иорнандъ; но тутъ же не совсѣмъ точно его переводитъ. Лактанцій говорить, что для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія, и что этотъ обрядъ погребенія (*ritum sepulturae*) варвары на своемъ языкѣ называютъ *strabas*. Новѣйшій толкователь поясняетъ, что страба тутъ значитъ не обрядъ погребенія вообще, а костеръ, обрядъ сожженія. Для чего же пужно такое толкованіе? „Это“, отвѣчаетъ толкователь, „дастъ возможность нѣмецкимъ ученымъ производить *stravam* Иорнандъ отъ готскаго глагола *straijan* (разстилать, распространять), то-есть, слово страва считать заимствованнымъ у Готовъ (151). Какъ видите, натяжка и путаница въ объясненіи выходитъ ужасная. Такимъ образомъ слово, которое при суммѣ другихъ доказательствъ, можно сказать, имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о народности Гунновъ, вычеркивается произвольно и безъ всякихъ разсужденій, вопреки ясному, положительному смыслу источника. При семъ мое указаніе на все невѣроятіе того, чтобы чужимъ, заимствованнымъ словомъ назывался такой важный обрядъ, какимъ у языческихъ народовъ было погребеніе, мой противникъ, по обычаю, обходитъ молчаніемъ. Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я сказалъ это (стр. 550) по поводу того, что г. Гротъ, ученикъ В. Г. Васильевскаго, считаетъ слово страва заимствованнымъ Гуннами у Славянъ. Но, какъ видите, учитель пошелъ дальше ученика (обыкновенно, бываетъ наоборотъ) и признаетъ это слово уже не славянскимъ, а готскимъ. „Нужно ли предполагать заимствование Славянами слова страва отъ Готовъ — мы не знаемъ“, кратко и скромно добавляетъ онъ. Итакъ, не играющему никакой роли въ моихъ доказательствахъ камосу гораздо болѣе посчастливилось въ комментаріяхъ моего противника, нежели такому важному и основ-

ному факту, какъ свидѣтельство Іорнанда о гуннской стравѣ. Да, надобно имѣть положительную и предвзятую ненависть къ самой мысли о славянистѣ Гунновъ, чтобы прибѣгать къ такимъ произвольнымъ выводамъ и къ такимъ вопиющимъ натяжкамъ, какъ отрицаніе славянскаго слова страва и его производство прямо отъ готскаго *straujan*“.

Все это написано очень ловко и бойко; тому, кто не читалъ самой статьи моей, и кто не возьметъ ея въ руки для сопоставленія съ легкими и живыми строками Русской Старины, все это должно казаться крайне справедливымъ и основательнымъ. На самомъ дѣлѣ справедливости и основательности тутъ весьма мало. Вотъ что я отвѣчаю на патетическую тираду Д. И. Иловайскаго.

Что касается до камоса или кама, то со стороны изслѣдователя гуннскаго вопроса, вмѣсто всякаго иронизированія, что этому слову посчастливилось и т. п., было бы великодушнѣе и приличнѣе прямо и откровенно, а не между строкъ, высказать свое согласіе на мое толкованіе и просто поблагодарить меня за то, что я впервые въ русской литературѣ указалъ истинное значеніе сего рѣченія. Правда, что въ одной книгѣ, написанной въ Россіи, но по нѣмецки и вышедшей за границу (Hehn, Kulturpflanzen), Д. И. Иловайскій могъ бы уже найти надлежащее толкованіе, хотя и не всѣ у меня приведенныя мѣста, указывающія на исконное употребленіе этого слова жителями Панноніи помимо всякихъ Гунновъ и Славянъ. Однако Д. И. Иловайскій продолжалъ толковать о квасѣ. Не онъ придумалъ этотъ квасъ, равно какъ и кумысъ не отъ него ведетъ свое начало; не одного его мы имѣли въ виду, пространно доказывая, что камосъ или камъ Приска не есть ни квасъ, ни кумысъ. На счетъ пункта, относительно котораго ошибались Шафарикъ, Гильфердингъ, Дриновъ и др., позволительно было распространиться, если бы даже я и могъ предвидѣть со стороны Д. И. Иловайскаго заявленіе, что онъ не придаетъ ему никакого значенія. Я имѣлъ въ виду не одни только положенія, сгруппированныя для извѣстнаго диспута, но и вообще книгу Д. И. Иловайскаго; а въ ней, на стр. 518, читается: „Прискъ приводитъ такіа слова, которыя указываютъ на Славянъ. А именно: медосъ, то-есть, медъ, который туземцы употребляли вмѣсто вина, и камосъ, питье варваровъ (Гунновъ), добываемое изъ ячменя. Сіе послѣднее есть, вѣроятно, не точно переданное слово квасъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а накакъ не кумысъ, который готовится изъ кобыльаго молока,

а не изъ ячменя" ¹⁾). Какъ здѣсь, такъ и въ самомъ подлинникѣ, слова медъ и камъ стоятъ рядомъ, такъ что судьба одного очень много зависитъ отъ судьбы другаго. Если камъ, приписанный въ подлинномъ текстѣ варварамъ, то-есть, по видимому Гуннамъ, оказывается древне-панновскимъ или еракійскимъ словомъ, то тѣмъ скорѣе должно и можно заподозрить принадлежность собственно Гуннамъ слова медъ, приписаннаго и въ подлинникѣ туземцамъ. Въ этомъ только смыслъ мы и напомнили о камѣ и квасѣ по поводу меда, формулируя свои отвѣты на положенія Д. И. Иловайскаго. Въ этомъ смыслѣ, очевидно, совсѣмъ даже и нельзя не придавать слову камъ значенія въ сколько-нибудь правильной системѣ доказательствъ. При чтеніи строго вышеприведеннаго отрывка, относящихся собственно къ меду или медосу, невольно приходится покачать головою. Если бы это было въ личной устной бесѣдѣ, то мы просто сказали бы: Дмитрій Ивановичъ, побойтесь же Бога, и почитайте Приска, на котораго вы такъ часто ссылаетесь. Вы пишете: „Историческій свидѣтель говоритъ о существованіи у Гунновъ напитка, называвшагося медъ, а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это вздоръ“. Но гдѣ же у меня употреблено слово „вздоръ“? Хотя и были нѣкоторые къ тому поводы, но выраженіе это ни разу не встрѣчается въ моей статьѣ. А главное: гдѣ же у Приска сказано, что именно Гуннамъ принадлежалъ напитокъ, называвшійся медомъ? Долженъ ли я думать, что на стр. 518, въ мѣстѣ, сейчасъ приведенномъ, вы только случайно и помимо собственнаго сознанія правильно сказали о принадлежности меда туземцамъ, довольно точно на тотъ разъ передавая смыслъ источника? Съ своей стороны полагая, что пишу для людей знакомыхъ съ дѣломъ, и въ рецензій на книгу Д. И. Иловайскаго не считалъ нужнымъ приводить такіе тексты, которые мнѣ казались общедоступными и общезвѣстными и довольствовался намекомъ и указаніемъ. Теперь приходится сдѣлать выписку изъ подлинника.

ἐχρηγούντο δὲ ἡμῖν κατὰ χῶμας τροφαί, ἀντὶ μὲν αὐτοῦ καύχρος, ἀντὶ

¹⁾ Д. И. Иловайскій вслѣдъ за вышеприведенными словами прибавляетъ, «вообще во всѣхъ известіяхъ о Гуннахъ нѣтъ и помину объ этомъ любимомъ татарскомъ напиткѣ» (Разысканія, стр. 518). Писателю, принимающему тожество Гунновъ и Болгаръ, можетъ быть, не слѣдовало бы выражаться съ такою рѣшительностію, если только ему известны слова Евнодія въ панегирикѣ Теодериху, сказанныя о послѣднихъ: *credunt satis esse ad delicias equini pecoris lac potare.*

δὲ οἶνον ὁ μέδους ἐπιχωρίως καλούμενος. Ἐχορίζοντο δὲ καὶ οἱ ἑκόμηναι ἡμῖν ὑπερέται κατὰ χρόν καὶ τὸ ἐκ χρεῖων χρητοῦμενον πόμα· καίτοι οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτὸ (Dindorf, *Historici graeci minores* 1,300).

То-есть: „По селамъ намъ доставляли въ пищу вмѣсто пшеницы просо, вмѣсто вина такъ-называемый по туземному медосъ (медъ), а слѣдующіе за нами слуги получали равнымъ образомъ просо и напитокъ, добываемый изъ ячменя: варвары называютъ его камомъ“.

Для собственной защиты и для показанія, къ какому роду полемики прибѣгаетъ нашъ уважаемый ученый, собственно говоря, довольно было бы привести эти слова: ясное дѣло, что историческій писатель не говоритъ о существованіи именно у Гунновъ напитка, называемаго медомъ, и слѣдовательно, доискиваться—кого онъ разумѣетъ подъ варварами и людьми, говорившими туземнымъ языкомъ, уже никакъ не значитъ объявлять его слова выдоромъ, а напротивъ, значитъ относиться къ нимъ съ подобающимъ вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ неумѣстную выходку, будемъ рассуждать далѣе уже по самому существу вопроса, такъ какъ оказывается, что вещи простыя и ясныя—не для всѣхъ специалистовъ ясны и просты.

Всякому, кто даже только поверхностнымъ образомъ читалъ Приска, въ подлинникъ, или въ переводѣ,—должно быть извѣстно, что этотъ умный наблюдатель нашелъ въ равнинѣ Паннонской не однихъ только Гунновъ, что онъ въ составѣ народонаселенія, подвластнаго Гуннской державѣ, различалъ нѣсколько племенныхъ элементовъ—даже въ области своихъ непосредственныхъ наблюденій, и что поэтому нельзя безъ всякаго ближайшаго разсмотрѣнія прямо отождествлять выраженія: туземцы, варвары, Скины съ выраженіемъ Гунны. А priori довольно естественно предполагать, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о селакъ, о воздѣлываніи проса и ячменя, разумѣются уже не собственно Гунны, признаваемые кочевниками и въ лицѣ Болгаръ долго сохранявшіе такой бытъ, а какіе-нибудь другіе элементы населенія. Какіе же именно элементы? На основаніи словъ камъ, объясняемаго квасомъ, и особенно на основаніи слова медъ, считаемаго исключительно славянскимъ, прежніе изслѣдователи съ Шафарикомъ во главѣ утверждали, что это были славянскіе элементы, удѣлѣвшіе здѣсь неприкосновенно или же въ видѣ остатковъ отъ временъ глубочайшей древности, такъ какъ предполагалось, что Паннонія и при-Дунайскія области были исконнымъ мѣстожителествомъ Славянскаго племени, только въ позднѣйшія времена оттѣс-

неннаго отсюда Кельтами. Но теорія эта признана теперь несостоятельною, всѣми оставлена, и даже Д. И. Иловайскій не является ревностнымъ ея защитникомъ. Туземное исконное населеніе Панноніи, повторяемъ, состояло изъ двухъ элементовъ — старо-иллирскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося надѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х., и затѣмъ, въ позднѣйшую эпоху подвергшагося нѣкоторой романизаци. Если бы даже кто вновь вздумалъ настаивать на стародавнемъ присутствіи здѣсь Славянъ, то этимъ, конечно, онъ еще не уничтожалъ бы силы и значенія позднѣйшаго факта, не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію и заключающагося въ преобладаніи и господствѣ Кельтовъ. Слова, относящіеся къ земледѣльческому быту, во всякомъ случаѣ должны принадлежать не Гуннамъ, а либо смѣшанному иллюро-кельтскому населенію, либо Славянамъ, всего вѣрнѣе первому. Съ другой стороны, если мы обратимъ ближайшее вниманіе на этнографическія выраженія Приска, на терминологию, которою онъ пользуется для обозначенія племенъ и народностей, ему современныхъ, то прійдемъ къ выводу, вполне согласному съ логикой уже извѣстныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, мы находимъ, что никто еще не изучалъ драгоценныхъ отрывковъ Приска такъ, какъ они этого заслуживаютъ; всего менѣе можно было ожидать этого со стороны Д. И. Иловайскаго, который обыкновенно считаетъ излишнимъ изучать въ цѣлости тѣ источники, которыми онъ пользуется, и кромѣ своихъ умствованій, пока еще ни одной іоты не прибавилъ къ тому, что давно было извѣстно. Вслѣдствіе своей привычки пользоваться вполне готовымъ матеріаломъ, оставляя себѣ только мнимо-высшее разумѣніе его — при свѣтѣ теорій, тоже, впрочемъ не совсемъ новыхъ, — онъ не замѣтилъ даже той важности, какую имѣло для него сдѣланное мною указаніе на Зосима и Евнапія и на то, что уже въ V вѣкѣ по Р. Х. существовали два взгляда на происхожденіе Гунновъ. „Онъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, приводитъ два взаимно противорѣчащіе показанія Зосима“, выражается обо мнѣ нашъ удивительный изслѣдователь (стр. 598), не любящій, чтобы ему напоминали объ источникахъ, имъ пропущенныхъ. По одному изъ взглядовъ, которыхъ попеременно держался Евнапій, жившій въ самомъ началѣ V вѣка, Гунны были потомками извѣстнаго отдѣла большаго Скивскаго племени, именно такъ-называемыхъ Царскихъ Скивовъ. При чтеніи сколько-нибудь внимательномъ оказывается, что Прискъ держался того же самаго взгляда: большая находка для Д. И. Иловайскаго, и несомнѣнно, значеніе ея

было бы имъ даже преувеличено, еслибъ она тоже попала къ нему на ранѣ проторенной дорогѣ. Довольно часто, для обозначенія собственно Гунновъ, Прискъ употребляетъ синонимически выраженіе Царскіе Скины; въ самомъ началѣ его отрывковъ являются на сцену послы Аттилы, не желающіе слѣзть съ коня даже во время переговоровъ съ Римлянами: это суть Царскіе Скины; самъ Аттила принадлежитъ къ Царскимъ Скинамъ (*Prisci fragm. Dindorf, p. 292*). Совершенно послѣдовательно выраженіе Скины, безъ ограничительнаго опредѣленія, и варвары имѣютъ у Приска гораздо болѣе обширный смыслъ: они обозначаютъ всю массу населенія, входившаго въ составъ Гуннской державы, совокупность всѣхъ племенъ, встрѣчавшихся въ Панноніи, и хотя они не исключаютъ собственныхъ Гунновъ, но сообразно съ существомъ дѣла, то-есть, съ преобладающею численностію, всего болѣе относятся къ старому туземному населенію, которое не имѣетъ у Приска своего особеннаго и спеціальнаго названія. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно известное мѣсто Приска, съ которымъ довольно трудно было справиться Д. Н. Иловайскому—въ его „Разысканіяхъ“ (стр. 517): „Скины, будучи сборомъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго варварскаго языка, охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готовъ или же Авзоніевъ“. Здѣсь мы имѣемъ очень обыкновенное у классическихъ писателей явленіе, что слово, обозначающее субъектъ двухъ рядомъ стоящихъ предложений, принимается одновременно и въ болѣе обширномъ, и въ частномъ его значеніи: ¹⁾ въ придаточномъ предложеніи Скины—всѣ племена, подвластныя Аттилѣ, съ Гуннами и Готами; въ главномъ предложеніи Скины—старое мѣстное населеніе безъ пришлыхъ Гунновъ и Готовъ; оба послѣдніе народа, по причинѣ совершенно понятной, выдѣляются изъ массы остальныхъ Скиновъ или варваровъ и языкъ варварскій противопоставляется языку Гунновъ. Еще яснѣе смыслъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ говорится о туземцахъ и о туземномъ; сомнѣваться, что они относятся къ древ-

¹⁾ Для убѣжденія какихъ-либо недоразумѣній замѣчаемъ, что въ греческомъ подлинникѣ въ данномъ предложеніи собственно нѣтъ слова Скины, но оно совершенно правильно заимствуется русскимъ переводчикомъ (Г. С. Дестунисомъ) изъ предыдущаго и что, сверхъ того, слова Приска о оброчности скинскаго населенія могутъ быть объяснены—хотя уже съ нѣкоторою натяжкой, даже и въ томъ случаѣ, если мы въ обоихъ случаяхъ подъ скинами будемъ разумѣть только туземцевъ и старожильцовъ: стоитъ только припомнить двойственный племенно-сословный составъ стариннаго населенія Панноніи.